

9(с)

С 60

С. М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ
РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ
ВРЕМЕН.

С.М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

В ПЯТНАДЦАТИ
КНИГАХ

Издательство
социально-экономической
литературы
МОСКВА

9(с)
С 60

С. М. СОЛОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

(ТОМА 17-18)

Оренбургская областная
библиотека им. А. Н. Крупской

Издательство
социально-экономической
литературы
МОСКВА 1963

389696

Богатырским силам соответствовали страсти, не умеренные правильным, искусственным воспитанием. Мы знаем, как мог разноздываться сильный человек в древнем русском обществе, не выработавшем должных границ каждой силе; могли ли такое общество сдерживать страсти человека, стоявшего на самом верху? Но одна наблюдательная женщина-современница отзывалась совершенно справедливо о Петре, что это был очень хороший и вместе очень дурной человек. Не отвергая и не умаляя черной стороны характера Петра Великого, не забудем стороны светлой, которая перевешивала черную и могла так сильно привязывать к нему людей. Если гнев Петра разражался иногда так страшно над людьми, которых он считал врагами отечества, врагами общего блага, то сильно привязывался он и сильно привязывал к себе людей с наклонностями противоположными. Дело, совершенное Петром, было совершено им с помощью людей способных, которых он умел отыскать всюду и сохранить. В этом отыскании способных людей нельзя видеть одного личного дела Петра: ему стоило только дать своим приближенным почувствовать, что ничем нельзя угодить ему так, как прискорением способных людей, и началась действительная гоньба за способностями. Послушаем одного из птенцов Петровых, известного нам по дипломатической деятельности в Турции, Неплюева, как он был выведен в люди; этот рассказ вскроет нам тайну великого императора отыскивать способных людей. Неплюев учился за границею навигации; поозвращении в Россию он вместе с товарищами был представлен Петру, который сказал генерал-адмиралу графу Апраксину: «Я хочу их сам увидеть на практике, а ныне напишите их во флот гардемаринами». Тут стал говорить член Адмиралтейской коллегии Григорий Петрович Чернышов: «Государь! люди, по воле твоей отлученные от родных в чужих краях, по бедности сносили там голод и холод, учились по возможности, желая угодить тебе, и в чужом государстве были уже гардемаринами, а теперь, возвратясь, в надежде за службу и науку получить награждение, отсылаются ни с чем, и будут наравне с теми, которые ни нужды такой не видали, ни практики такой не имели». Государь назначил им экзамен в коллегии в своем присутствии и, оставшись доволен ответами Неплюева, произвел его в поручики морского галерного флота, причем, давая Неплюеву целовать свою руку, сказал: «Видишь, братец: я и царь, да у меня на руках мозоли, а все оттого: показать вам пример и хотя под старость видеть достойных помощников и слуг отечеству». Скоро после этого Петр определил Неплюева смотрителем и командиром над строящимися морскими судами, должность, в которой он почти ежедневно видел Петра. Государь начал говорить, что в малом будет путь, а Чернышов и адмирал Змаевич стали

преподавать малому искусство, как сохранить расположение государя: «Будь исправен, будь проворен и говори правду, сохрани тебя боже солгать, хотя бы что и худо было; он больше рассердится, если солжешь». Скоро Неплюев подвергся экзамену и в этом искусстве. Однажды он пришел на работу, а Петр уже тут; Неплюев сильно перепугался и первою мыслию было бежать домой и сказаться больным; но потом вспомнились советы Чернышова, и он пошел к тому месту, где находился государь. «А я уже, мой друг, здесь!» — сказал ему Петр. «Виноват, государь, — отвечал Неплюев, — вчера я был в гостях, долго засиделся, оттого и опоздал». Петр взял его за плечо и пожал; тот вздрогнул, думая, что пришла беда, но государь начал говорить: «Спасибо, малый, что говоришь правду, бог простит! кто бабе не внук!»

В Константинополь Неплюев попал таким образом. В первых числах января 1721 года был трактамент для всей знати и для офицеров гвардейских и морских, почему был тут и Неплюев. Отобедав с товарищами прежде, он встал из-за стола и отправился в ту комнату, где государь сидел еще за столом. Петр был очень весел и скоро начал такой разговор: «Надобен мне человек, который бы знал итальянский язык, для посылки в Константинополь резидентом». Головкин отвечал, что такого не знает. «А я знаю, — сказал Федор Матвеевич Апраксин, — очень достойный человек, да та беда, что очень беден». — «Бедность не беда, — отвечал Петр, — этому помочь можно скоро; но кто это такой?» — «Да вот он за тобой стоит», — сказал Апраксин. — «За мною стоит много», — возразил Петр. «Да твой хваленый, что у галерного строения», — отвечал Апраксин. Петр оборотился, взглянул на Неплюева и сказал: «Это правда, Федор Матвеевич, что он хорош, да мне бы хотелось его у себя иметь». Но потом, подумавши, государь приказал назначить Неплюева резидентом в Константинополь. Когда тот подошел к нему благодарить, упал в ноги, целовал их и плакал, то Петр поднял его и сказал: «Не кланяйся, братец: я вам от бога приставник, а должность моя смотреть того, чтоб недостойному не дать, а у достойного не отнять; буде хорош будешь — не мне, а более себе и отечеству добро сделаешь, а буде худ — так я истец: ибо бог того от меня за всех вас востребует, чтоб злому и глупому не дать места вред делать; служи верою и правдою! в начале бог, а по нем и я должен буду не оставить тебя»²²⁴.

Сознание обязанностей своих к богу, глубокое религиозное чувство высказывалось постоянно у Петра, поднимало дух его в бедах и не давало заноситься в счастии. В последний год своей жизни, 16 августа 1724 г., составляя программу для торжества Ништадтского мира, Петр писал: «Надлежит в первом стихе помянуть о победах, а потом силу писать во всем празднике следующую: 1) неискусство наше во всех делах.

2) А наипаче в начатии войны, которую, не ведая противных силы и своего состояния, начали как слепые. 3) Бывшие неприятели всегда не только в словах, но и в гисториях писали, дабы никогда не протягать войны, дабы не научить тем нас. 4) Какие имели внутренние замешания, также и дела сына моего, також и турков подвигли на нас. 5) Все прочие народы политику имеют, дабы баланс в силах держать меж соседов, а особливо чтобы нас не допускать до света разума во всех делах, а наипаче в воинских; но то в дело не произвели, но яко бы закрыто было сие пред их очесами. Сие поистине чудо божие; тут возможно видеть, что все умы человеческие ничто есть против воли божией. Сие пространно развести надлежит, а сенсу довольно»²²⁵.

Необыкновенное величие, соединенное с сознанием ничтожества всех умов человеческих, строгое требование исполнения обязанностей, строгое требование правды, уменье выслушивать возражения самые резкие, чрезвычайная простота, общительность, благодушие — все это сильно привязывало к Петру лучших людей, имевших случай сближаться с ним, и потому легко понять впечатление, произведенное на них вестию о кончине великого императора. Неплюев пишет: «1725 года в феврале месяце получил я плачевное известие, что отец отечества, Петр, император 1-й, отъиде от сего света. Я омочил ту бумагу слезами, как по должности о моем государе, та и по многим его ко мне милостям, и ей, ей не лгу, был более суток в беспамятстве, да иначе бы мне и грешно было: сей монарх отечество наше привел в сравнение с прочими; научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России ни взгляни, все его началом имеет, и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут; а мне собственно, сверх вышеписанного, был государь и отец милосердый; да вчинит господь душу его, многотрудившуюся о пользе общей, с праведными!»²²⁶

Другой приближенный к Петру человек, Нартов, говорит: «Если б когда-нибудь случилось философу разбирать архиву тайных дел его (Петра), вострепетал бы от ужаса, что соделялось против сего монарха. Мы, бывшие сего великого государя слуги, вздыхаем и проливаем слезы, слыша иногда упреки жестокосердия его, которого в нем не было. Когда бы многие знали, что претерпевал, что сносил и какими он уязвляем был горестями, то ужаснулись бы, колико снисходил он слабостям человеческим и прощал преступления, не заслуживающие милосердия; и хотя нет более Петра Великого с нами, однако дух его в душах наших живет, и мы, имевшие счастье находиться при сем монархе, умрем верными ему и горячую любовь нашу к земному богу погребем вместе с собою. Мы без страха возглашаем об отце нашем для того, что благородному бесстрашию и правде учились от него».

- Мэн, герцог, побочный сын Людовика XIV 276
- Нартов Андрей Константинович, механик 340, 553, 638, 653
- Нарышкин Александр 534
- Нарышкин Алексей Иванович 110, 185
- Нарышкин Василий 185
- Нарышкин Иван 168
- Нарышкин Кирилл Алексеевич, московский губернатор 188
- Нарышкин Семен Григорьевич, генерал-адъютант 89, 131, 132
- Нарышкины, бояре 114, 185, 561, 637
- Наталья Алексеевна, царевна, сестра Петра I 117, 126, 146, 148, 477
- Наталья Алексеевна, царевна, дочь царевича Алексея Петровича 138
- Наталья Петровна, царевна, дочь Петра I 277, 441, 449, 563, 626
- Наумов, полковник 377
- Нахимовский, украинский казак 415
- Невен, имперский придворный поэт 322
- Нейгебауэр, член шведского королевского совета 434
- Нейгебауэр Мартин Маргинович, воспитатель царевича Алексея Петровича 110
- Некрасов Игошка, участник восстания под предводительством Булавина 355
- Немчинов Иван, полковник 534
- Неплюев Иван Иванович, русский резидент в Константинополе 391—402, 475—531, 551—553, 645, 653
- Нерсес, армянский патриарх 390
- Несторов, дьяк Преображенского приказа 493
- Несторов Алексей, обер-фискал 450, 466—468, 583
- Никодим, монах 514
- Никон, патриарх 113, 606
- Никон, раскольник 513
- Нитар-Доржи, калмыцкий тайша 617
- Новосильцев, сенатор 590
- Норрис Джон, английский адмирал 52—54, 76, 82, 269—273, 282, 283, 303
- Обервиль, французский посланник 79
- Обрезков, гвардии капрал 310
- Овсянников Варлаам, обер-секретарь синода, расстроенный монах 602, 605
- Олсуфьев, обер-гофмейстер 601
- Опрынин, судья 512
- Ория Израиль, деятель армянского освобождения 386—389
- Орлик, самозванный гетман 100, 399, 415, 521, 529
- Орухович, армянский посланец в Россию 386
- Остерман Андрей Иванович, советник коллегии Иностранных дел 192—199, 202—206, 208, 210—213, 217, 218, 269, 270, 295, 300, 301, 308—311, 358, 360, 362, 571, 573, 574, 578, 588, 589, 618
- Отобони, кардинал 417
- Павел Петрович, царевич, сын Петра I 57
- Павлов, генерал-рекетмейстер 499
- Павлов Адам, армянин 389
- Пальчиков Филипп, гвардии подпоручик 598, 602
- Парфеньев, полковник 515
- Паткуль Иоганн Рейнгольд, тайный советник 130, 317
- Пахомий, раскольник 513
- Пашков Егор Иванович, прокурор Военной коллегии 467, 629
- Пекарский П. П. 638
- Петр, монах 515
- Петр, ризничий 176
- Петр Алексеевич, царевич, внук Петра I 139, 190, 392, 533, 534, 538, 555—558, 564, 565, 570
- Петр I Алексеевич, император 7—9, 11—14, 16, 18, 21, 23—25, 27, 30, 31, 33, 37, 45—60, 62—69, 72, 73, 77, 79, 81, 82, 84, 87, 101, 105, 107—111, 114—117, 121—125, 127—134, 137—140, 143—146, 153, 157, 160, 165—167, 169, 170, 174, 175, 177, 178, 180, 181, 183, 188, 190—192, 194, 195, 203, 217, 218, 227, 233—235, 247, 266, 273, 285, 292, 294, 295, 297, 300—302, 308, 310, 311, 313—315, 317, 319—325, 334—342, 345, 347, 350, 351, 358, 364, 365, 369—371, 373, 374, 376—381, 383, 384, 386, 388, 390, 391, 395, 397, 398, 403—405, 407—409, 410, 411, 413, 414, 417—419, 421, 429—431, 434, 437, 439—